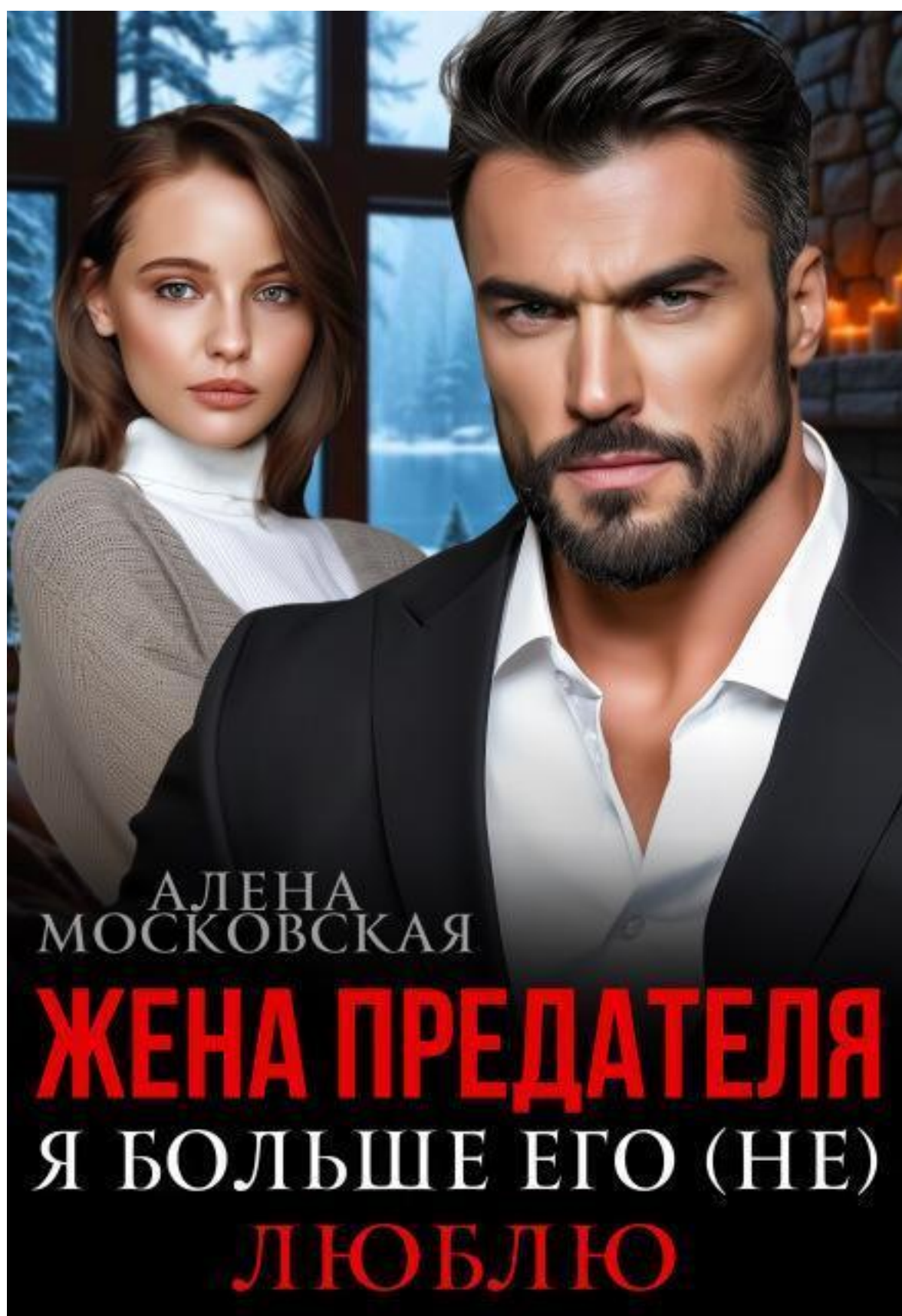

АЛЕНА
МОСКОВСКАЯ

ЖЕНА ПРЕДАТЕЛЯ
Я БОЛЬШЕ ЕГО (НЕ)
ЛЮБЛЮ

Алена Московская

**Жена предателя. Я
больше его (не) люблю**

«Литнет»

2026

Московская А.

Жена предателя. Я больше его (не) люблю / А. Московская —
«Литнет», 2026

НОВИНКА: «РАЗВОД ПО РЕЦЕПТУ» — Вся учительская звенит о том, что ты спишь с ней! — пытаюсь вымолвить я, не в силах больше молчать. — Тебе бы ребенком заниматься, а не слухам верить, – грубо бросает муж, поправляя пиджак. У меня в голове не укладывается, как он вообще может это сравнивать. — Даже если так, Рита, что ты сделаешь? Подашь на развод? Окстись. Я вышла на работу в школу после декрета. Думала — сын в садик, мы с мужем на работе. Мне казалось, все вернется на круги своя: завтраки в кабинет, взгляды между уроков, привычная романтика. Но не тут то было. Пока я занималась маленьким ребенком, супруг времени зря не терял. Завел себе любовницу, а меня уверяет, что все это глупости. Но люди то не врут. Да и мои глаза тоже. Я уже узнаю, что это правда. Сжимаю в руках тест на беременность и смотрю на то, как мой муж целует другую.♥ХЭ♥ Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и ставить лайки(звездочки)!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Знакомство с героями	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Рита

— Да я тебе говорю, что они голубки, вот увидишь. Будет задницей вертеть в своей короткой юбке и между уроков к нему «прыг»!

— Доброе утро! — я зашла в учительскую, не веря своим глазам.

Наконец-то я снова здесь! Работа, милая работа, как же давно мы не виделись.

— Доброе, Риточка,— поприветствовали Зинаида Петровна и Марья Ивановна,— с возвращением!

— Спасибо!— улыбнулась я, положив папку и пакеты на стол.

Села, огляделась, почти все так же, за исключением нового дивана и чайника. Все остальное на своих местах. Вот шкаф, наши шторы, зеркало с побитым краешком. Благодарь.

— Как же я по вам соскучилась,— трудно было скрыть радость момента, тем более когда последние три года была в декрете.

— И мы по тебе, дорогая, столько нового случилось. Вливаться и вливаться, но это потом. Лучше ты расскажи, как что? Как сын? А то Петр Васильевич как стена, спросишь, как там наше солнышко и сынок, а у него как язык отсох.

— Ох и смешные вы у меня. Все хорошо, спасибо. Подросли, уже немного в садике освоились. Дай бог болеть не будем часто.

— Тьфу-Тьфу.

Мой муж, Петр —директор школы и уважаемый человек. А по поводу языка... он и правда мало разговорчив.

Больше шутит и то, только в кругу самых близких людей.

Тетушки, мои хорошие, все ласково зовут его ворчуном. Это и на учеников передалось, ну вот так и живем.

Души не чаем в нашем директоре и ходим по струночке после его новых заданий.

Я встала со стула и направилась к доске объявлений. Посмотрела план на ближайшую неделю по школьным мероприятиям. Сфотографировала, пока мои коллеги заваривали чай.

— Риточка, угощайся, мне вчера два набора подарили,— Марья Ивановна пододвинула ко мне белую коробку конфет. — шоколадные.

Я кивнула и достала из сумки свою кружку.

— Зеленый есть у нас?

— Обижаешь, даже с малиной в этом году припасли.

— Какие вы молодцы, спасибо.

До первого звонка оставалось еще двадцать минут и мне было приятно провести их в компании коллег. Бабушки, которые еще меня учили, теперь стали закадычными «подругами».

Через пару минут подошел физрук, как и три года назад, причесал свои усы, глядя в маленькое зеркало, и кивнув нам, удалился в спорт зал.

Все заглядывали по очереди, здоровались, обнимались. Все те же лица, все те же эмоции, когда-то мной забытые.

Шум, гам, за дверью уже слышу «местных хулиганов», бегающих по коридорам.

— Школьники! Только стенды новые поставили, нет же снесут сейчас!!! — Возмутились мои женщины за пятьдесят.

Как вдруг, девушка, на вид моя ровесница, прошмыгнула в кабинет и бегом начала переодеваться.

Доля секунд, и она уже скинула в шкаф куртку, стянула с себя лосины с начесом, вся запыхавшаяся, красная, лохматая. Губы надутые, глаза горят.

Я аж дыхание затаила от шока.

А она, оставшись только в капроновых колготках, принялась доставать из пакета юбку. Вытянула, хихикнула, натянула, бросила пакет в шкаф и застучал каблуками по дереву, испарилась за дверью.

Вот это представление..

Мы с коллегами переглянулись.

Вот так голой стоять в месте, куда и мужчины тоже могут зайти??? Неожиданная дерзость.

Я бы точно не стала.

— Поздоровалась бы хоть...— единственное, что я смогла произнести.

Вот это да.

— Ой, Рит, — отмахнулась Марья Ивановна, — такой прошмандовке как Юлька эта... — она сделала паузу, — не гоже так себя вести. Ты бы ее стороной обходила. Она не то, что не здороваются и старших не уважает, она к мужикам нашим, как жвачка липнет.

— И скажем по секрету, эта англичанка, — добавила Зинаида Павловна, поправляя голубой платок на плечах, — мужу твоему глазки тоже строит.

Тут я вообще замерла. Поставила кружку, которую держала двумя руками, обратно на стол.

Поперхнулась.

— Вот эта женщина?

Что?

Как так-то?

Пете?

— Да не городи ты, — показательно стукнула ее подруга.— Риточка только с декрета вышла, а ты ей уже про ее мужа наговариваешь.

— Ну ладно вам,— я постаралась быть вежливой, хоть перед глазами уже стояла ужасающая картина.

Эта женщина, с длинными блондинистыми волосами, в этих прозрачных колготках и красных трусах... прямо перед моим мужем.

Я отгоняла свои мысли, но сил ждать не было.

— Рассказывайте уже, раз начали.

Глава 2

Рита

— Ой, Риточка, эта девица, окучивает тут всех, даже Мухе успела глазки построить. Ты не обращай внимания, мы ей замечания делаем, рано или поздно надоест.

— Ни стыда, ни совести, ни соблюдения регламента, прислало министерство, а нам мучайся. — подхватила Марья Ивановна свою подругу.

— А с Петром Васильевичем то что?

Они обе тяжело выдохнули.

Мне это не понравилось, мягко говоря. Еще не хватало, чтобы про моего уважаемого мужа слухи ходили, тем более правдивые.

Я ему верю и думаю, что на самом деле там ничего такого, но с пустого места тоже люди не говорят, даже у нас в деревне.

— Ты не руби сторяча, просто крутится вокруг мужчин постоянно. Лучше обходите ее стороной.

— Нет! Ты лучше сразу покажи, что к твоему мужу подходить нельзя, — возразила Зинаида Павловна.

Она сняла с себя платок и встала со стула, недовольно нахмутив лицо.

— Это еще как? — я мягко говоря была удивлена.

Просидев дома несколько лет, особо ни с кем не общалась, кроме своей семьи и старой подруги. Я ведь даже подумать не могла, что тут такие страсти творятся.

И уж тем более, не было мыслей, что с Петей кто-то заигрывает.

Он ведь у меня правда очень серьезный, замкнутый человек. Его чтобы разговорить — постараться надо. А тут... Удивительно.

— Не слушай ее, не хватало еще Риточке унижаться!

— А этой проститу...

И тут коллеги остановились, позади меня скрипнула дверь.

Петя.

— Доброе всем утро, звонок через пару минут, — сухо поприветствовал он, подходя к столу с журналами, — или вы сегодня прохлаждаетесь, Маргарита Степановна?

Я опешила, уж слишком серьезно он это произнес.

— Не прохлаждаюсь, просто соскучилась по коллегам, Петр Васильевич.

Он развернулся на меня и подмигнул.

Фуф. Как камень с плеч.

Слава Богу, а то я уж подумала, что пока я здесь пятнадцать минут сидела, у нас произошла ссора, о которой я не знаю.

— Отлично, всем хорошего дня.

Он нажал на кнопку чайника и сел за стол, заваленный документами.

Петя всегда приходит сюда, проверять как и что в начале рабочего дня. Всегда пьет кофе, развернувшись к окну лицом.

Так было три года назад и сейчас тоже. Что-то, а вот это точно не меняется.

Мы, нашей “дружной” компанией забрали свои вещи и покинули учительскую.

Коридоры уже опустели, ученики разбрелись по классам. Я шла, стуча каблучком по деревянному полу, и осматривалась по сторонам, чтобы не дать плохим мыслям взять верх.

Вот здесь стены перекрасили, с голубого на бежевый. А вот тут поменяли кресло. Старое совсем обшарпанное было.

Доска почета справа пополнилась новыми фото.

Красота...

Я прошла прямо, мимо кабинета английского, как вдруг, черт дернул задержать взгляд. Эта преподавательница, о которой мы сегодня говорили, стояла возле старшеклассника, нагнувшись и облокотившись о его парту.

Юбка едва прикрывала причинное место, высота каблуков явно не для школы.

Я себе даже на выпускной такие не позволила, а она в повседневности носит?

Абсурд.

Половина класса развернулись на меня, и я лишь быстро кивнув, направилась дальше.

И вот эта женщина преподает?

В голове не укладывается, как можно быть настолько... даже не развратной, а как бы выразиться... неуместной.

Ладно, это все потом.

Сейчас мне надо переживать за то, вспомнят ли меня те, с кем я не виделась три года.

Эти ребята в свое время выпили мне немало крови.

Я зашла в класс, закрыла за собой дверь и поймала себя на том, что улыбалась. Это было даже странно.

— Ну что, девятый, живы? — бросила я, ставя сумку на стол.

— Почти, — отозвался кто-то с задней парты.

— Вот и славно!

Урок шел на удивление хорошо, прямо подозрительно хорошо. Так и жди подвоха, откуда ни возьмись.

Двое местных хулиганов, как и всегда, сидели с лицами мучеников. То им это не так, то им скучно, здесь власть должна поступать иначе. Политики росли, не иначе.

— А тетради где? — спросила я, даже не надеясь на чудо. Никогда их не доставали, или, если даже были, то какой-то вырванный листок из блокнота и черная ручка.

— Забыл...

— Я тоже...

— Мамка не положила...

Ну конечно, чего еще, Маргарита Степановна, ожидала? Классика.

— Отлично, — кивнула я, облокотившись на спинку стула. — Тогда писали конспект по теме и в конце урока пересказ. Начну спрашивать по списку за пятнадцать минут до звонка. Сразу запишите домашнее задание, чтобы потом не было отговорок. Итак... контурные карты и...

Стоны, вздохи, кто-то тихо матерился себе под нос, якобы доказывая всем свою «крутость». Возмущались, но все равно работали, пчелки.

А я... я пряталась за журналом. Неприлично, да. Не комильфо.

Но что-то внутри зудело, потому что после разговора в учительской предчувствие было нехорошее.

Я открыла телефон, вбила в поисковик все, что знала.

Интересно же было, что там выкладывала эта... Юлия.

Как отчество-то у нее? Ладно, потом.

Я нашла ее быстро. Она была в подписчиках нашей школьной группы, чуть ли не единственная с именем-отчеством. Даже без фамилии. Ну что ж.

Я провела пальцем по экрану.

И тут... я аж воздухом поперхнулась и закашлялась от неожиданности.

— Будьте здоровы, — донеслось с задней парты.

— Ага, спасибо, — автоматически ответила я, не отрывая взгляда от экрана.

Увеличила фото. Я знала этот шкаф до каждой царапины.

Этот угол. Эти папки.

Юлия Сергеевна.

Юлия Сергеевна.

Стоит.

В кабинете моего мужа, и делает селфи.

В его кабинете? Она? Так демонстративно откляничивает свой зад? Глаза у меня реально на лоб полезли.

Это еще что за представление?

Знакомство с героями

Дорогие читатели! Рада приветствовать вас в своей истории.

Будет эмоционально. Моментами грустно, моментами очень весело, но равнодушными вы точно не останетесь.

Хотелось напомнить, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ добавить книгу в библиотеку и поставить звездочку(мне нравится).

Это лучшая мотивация для автора.

А теперь познакомимся с героями.

Потапова Маргарита Степановна - 27 лет.

Преподаватель истории.

Чуткая, спокойная, нежная женщина, которая последние три года была полностью отдана семье и маленькому ребенку.

Не привыкла делиться своими трудностями с кем-либо.

По ее мнению счастье и проблемы любят тишину.

Потапов Петр Васильевич – 36 лет.

Муж Риты. В браке уже 7 лет.

В коллективе он авторитет, дома - человек с редким юмором и устоявшимися привычками.

Из числа тех мужчин, которые никогда и ничего никому не обещают. Всегда все по факту.

Считает, что церемониться не имеет смысла и лучше быть прямолинейным.

Но такой ли он жесткий с новой преподавательницей?

Или может командовать только женой?

Бочкарева Юлия Сергеевна – 30 лет.

Преподаватель английского и ходячий вызов школьным устоям. Всегда на каблуках, всегда слишком яркая для мрачных коридоров. Любит внимание и не считает нужным его скрывать.

Границы для нее — вещь условная.

В разводе, сыну 13 лет, живет в интернате.

Лугина Марья Ивановна – 55 лет.

Завуч школы и учитель географии.

В профессии уже тридцать лет, знает каждый школьный уголок и сплетни про всех хулиганов.

Мягкая по натуре, говорит негромко.

Любит порядок во всем.

Сначала выслушает, потом пожалеет, а уже в самом конце сделает выводы.

Всегда ходит с блокнотом, куда записывает «на потом», но потом редко наступает.

Сенченко Заинада Петровна – 60 лет.

Преподаватель химии.

Женщина жесткая, вспыльчивая и быстрая на реакцию, как и ее предмет.

Любит дисциплину и не стесняется напомнить о ней указкой, если слова не доходят с первого раза.

В школе ее побаиваются, а уважают еще больше.

Однажды на ее опытах хлопнуло так, что всю школу эвакуировали.

Сама же отделалась испугом и подпаленными волосами.

Глава 3

Рита

Я еле как дождалась окончания урока. Мне было крайне интересно, что же эта девица забыла там на такое время, чтобы фоточки там делать?

Или гони эти мысли, Рита, и правда не стоит унижаться?

Ну а вдруг? Вдруг вот так оно и есть? Мне теперь в неведении жить? Не могу так, должна знать точно, что связывает моего мужа с этой «раскованной» дамой.

Мама Пети часто рассуждает на такие темы.

Говорит, мол, женщина мудрой быть должна и никогда не должна подавать виду, что ей что-то стало неприятно или что-то ее обидело.

Она корит меня за слезы, когда я устаю от домашних хлопот и плача сына.

А я ведь просто...

— Нельзя так, ты женщина. Взяли моду в современном поколении делать вид, что от детей устают и что отдыхать и поспать хотят. У моей бабушки и матери было по пять, и все успевали, еще работали не покладая рук и хозяйство вели. А сейчас нежные стали, рожать боятся и все в таком духе.

Это ладно, мне хоть политика ее и мировоззрение не близки, но вспомнились между делом.

Свекровь ведь еще добавляет после:

— Муж твой никогда не должен видеть косого взгляда с твоей стороны, встала пораньше, белье надела чистое, себя в порядок привела, бигуди, укладку, завтрак всем приготовила и пошла светящаяся на работу, поплакать и пострадать ты можешь в уголке. Ночью в подушку, пока никто не слышит.

Все должна в себе держать, чтобы брак сохранить. А будешь с грустной миной, не удивляйся, что муж налево посмотрит.

Я никогда всерьез эти ее слова не воспринимала, но сейчас как будто стоило.

Я ведь не... не грущу целыми днями, с чего бы ему?..

Стой, Рита, ну хватит. Не связано с этим ничего, и речи эти — в плечи. В одно ухо влетает, в другое пусть вылетает.

Я поставила последнюю оценку в дневник и передала его хозяйке.

Вот и звонок прозвенел.

Только первый урок, а уже как будто весь день пролетел.

Умеем же мы, женщины, придумать себе повод для переживаний.

Но придумать ли... вопрос?

Судя по тому, как «тепло и ласково» отзываются о Юлии Сергеевне наши коллеги, появляются только подозрения.

Я попрощалась с девятым классом и, оставив вещи на столе в своем кабинете, направилась в коридор.

По бокам выстроились дежурные, переминаясь с ноги на ногу, на подоконнике уже расселись старшеклассники, те самые, вышедшие с кабинета английского.

Я прошла мимо, поздоровалась. Помню их еще совсем крошками, вымахали-то как за три года.

Мамочки, как быстро растут чужие дети.

Тут свой-то, только вчера еще пинал под ребра, сегодня уже в садике освоился. Ходит важный, нос задирает, сам ботинки застегивает.

Миновала и учительскую, направляясь прямо в сторону Петинного кабинета.

Перемена минут десять, значит, успею узнать. Спустилась по лестнице, чуть не была сбита пятиклашками.

— Классика, — буркнула себе под нос, уклоняясь от очередного портфеля.

Вскоре я добралась до нужного места и, не задумываясь, потянулась к двери, но та не поддавалась.

ОГО.

Я машинально прокрутила золотистую железную ручку еще раз, уже с напором, будто дверь могла передумать, но она оставалась запертой.

Этого я точно не ожидала.

Что это значит?

Я постучала. Сначала осторожно, потом чуть громче, но в ответ ничего.

Достав телефон, быстро написала Пете сообщение: «Ты где? Я хотела поговорить», и тут же уставилась на экран, ожидая, что он сейчас ответит.

Но он был не в сети.

Вот так, значит.

Я осталась стоять напротив его кабинета, а потом села на лавочку сбоку.

Коридор жил своей обычной школьной жизнью. Хлопали двери, кто-то бегал, кто-то кричал, где-то визжали девчонки, явно довольные походом на физру. Идут, машут сумками из-под красовок.

Я осматривалась по сторонам, стараясь отвлечься, как вдруг увидела нашу техничку.

Тетя Тоня.

Стояла с ведром, широко расставив ноги, и размахивала мокрой тряпкой в сторону кучки мальчишек, прижавшихся к стене.

— Опять туалет обоссали! — кричала она так, что, казалось, слышно было на первом этаже. — Все крышки изгадили! Я вам мою, мою, а вы что?! Никакого уважения к нашему труду! Вот вырастите, сами поймете, что вели себя как хулиганье! Если снова сегодня прокурите там все, я вам по горбу то шваброй настучу!

Мальчишки только хихикали и переглядывались, делая вид, что вообще не понимают, о чем речь.

Ага, эти шкодничники точно знаю о чем им говорят.

Я невольно покачала головой.

— Школа, — тихо буркнула я себе под нос. — Где же Петя?

Ответа не было.

Тетя Тоня еще несколько минут махала перчатками, что-то возмущенно бормотала, а потом заметила меня и коротко кивнула, не переставая сердиться.

— Здравсьте, Маргарита Степановна.

— Здравствуйте, тетя Тонь, — улыбнулась я.

Она такая же и осталась. Гроза школьных туалетов и главный борец за справедливость.

Я снова перевела взгляд на дверь Петиного кабинета.

Она по-прежнему была закрыта, и от этого ожидание становилось совсем не по себе.

Куда он испарился уже?

Уже приготовилась уйти, видя время, как в конце коридора показалась знакомая фигура.

Петя шел быстро, даже не глядя по сторонам.

Он подошел прямо к двери кабинета, только потом заметил меня и остановился.

— Что случилось, Маргарита Степановна? — спросил он снова, слишком серьезно.

— Ничего... поговорить хотела, — ответила я и сама поднялась с места.

Он нахмурился, затем полез во внутренний карман пиджака, достал ключ и вставил его в замочную скважину.

Зачем закрывался? Мелькнуло у меня, и я поймала себя на том, что пристально смотрю на его руки, а не на лицо.

Он сегодня был какой-то другой. Чужой чтоли.

Или это мне так казалось после всех этих мыслей и дурацкого фото?

Скорее всего.

Может, просто я отвыкла видеть его здесь, на работе, а не дома, за кухонным столом в нашей уютной атмосферке.

Я тяжело выдохнула.

— Нет, не случилось, правда. Просто поговорить хотела.

— Давай тогда позже, — резко перебил он меня, уже поворачивая ключ в скважине.

Дверь открылась, и он, не глядя на меня, бросил:

— Я сейчас занят буду. Давай через пару уроков, хорошо? Мне еще по телефону созвониться надо, меня ждут.

— Ладно, — ответила я, явно не ожидая такого категоричного ответа.

Сделала шаг назад, в сторону к лестнице, чувствуя себя почему-то лишней в этом коридоре.

— Хорошо, я тогда подойду позже. Давай... увидимся.

Я развернулась, уже собираясь уйти, как за спиной раздался знакомый щелчок.

Замок снова провернулся.

Что?

Он закрылся...

В своем кабинете...

Прямо перед моим носом? Зачем?

Странно? Да, черт возьми, это было мягко сказать, странно.

Я остановилась, обернулась обратно к двери и уже хотела что-то сказать, постучать, окликнуть его, как вдруг с дальнего кабинета, лаборантской, раздался резкий глухой хлопок.

— Что это?... — вырвалось у меня от неожиданности.

Глава 4

Рита

Я мгновенно забыла о том, что мой сообщенный муж только что закрыл передо мной дверь.

Звенит звонок, а все бегут в сторону дыма, исходящего из лаборантской.

Я уже вижу удивленные глаза коллег, оборачиваюсь на тетю Тоню, которая так и держит в руках эту свою швабру с мокрой синей тряпкой.

Ученики повалили выглядывать из кабинетов, и только наш дворник, Муха, выходит из "места преступления" с почерневшим, обугленным лицом.

— Ну... что могу сказать, Павловна — бабах!

Я заглядываю за дверь. Е-мае!

Дым на потолке, окно уже открыто, ветер сквозит, аж завывает.

И... Зинаида Павловна стоит у стола, собирает какие-то осколки.

— Зинаида Павловна, вы это... — я была, мягко говоря, в шоке от такого вида.

Что-то, а вот такого-эдакого не ожидала.

Пахло гарью и химией, резало нос, глаза щипало.

На полу валялись куски стекла.

Коллеги столпились в дверях, кто крестился, кто шептался, а дети тарасились, забыв про уроки.

Зинаида Павловна подняла голову, посмотрела на нас и, как ни в чем не бывало, буркнула, что «чуть переборщила», и продолжила собирать осколки, будто такое тут случилось каждый день.

— Вы в порядке? — спросила я и сделала еще шаг вперед.

Запахло сильнее, чем-то непонятным, хотя нет, пахло... это тоже мягко сказано, воняло.

Виновница нашего сбора подняла на меня голову и мотнула головой.

— Это трындец... Риточка Степановна, я перепутала... просто жесь.

Я никогда не слышала, чтобы она выражалась такими словами, но по ее виду и по тому, как изменилась не в лучшую сторону ее прическа, все и так было понятно.

Лучшие стилисты отдыхают, ей богу.

Толпа только гудела громче, всем было интересно, что же «Бабах», как ее уже успели прозвать еще в первый взрыв, вытворила.

Если честно, я даже улыбнулась.

Ну как, криво прям, истерично.

Я не знаю. Понимаю, что это неуместно, но не смогла сдержаться.

Прошла внутрь и принялась помогать прибраться, понимая, что сейчас у меня тоже идет урок, как, в целом, у всей школы.

Но оставить мою коллегу на растерзание тем, кто сейчас мог над ней посмеяться как-то злобно, я не могла.

Я прошла, она мне подала перчатки, я принялась убирать с ней. Удивительно, что Петя тоже не подошел, ну ладно, видимо правда с кем-то важным говорит и не до наших неурядиц.

Я наклонилась, выбросила все в мусорку.

— Ну как так-то? — решила все-таки уточнить.

— Да я что, знаю что ли... Господи, Ритуль, голова моя старая, понимаешь, не помню уже, что куда положила. Хотя стоило бы.

Я смотрела на нее и думала, что ну и первый же рабочий день выдался. Только начало, а уже огонь.

Теперь-то он это надолго запомнит. Работать, как ни крути, все равно придется лопатой, а не химией.

— Я ж как лучше хотела, — оправдывалась Зинаида Павловна, размахивая руками, — Думаю, покажу Мухе средство, чтоб лед разъедало, чтоб не долбил он этот двор, как проклятый. Тяжело же ему, никто и не задумывается, а то цену труду знаю. А то жалко мужика, руки ж отваливаются, поясница болит, придется потом ему пояс с овчиной тащить. Кстати... надо бы.

— Показали... — буркнула я и невольно покосилась на дверь.

Хватит уже подслушивать.

— Ну кто ж знал, что оно так шарахнет! — всплеснула она ладонями, чуть не задев стопку с книгами. — Я ж по памяти делала. Раньше всегда нормально было, всегда помогало!

— По памяти? Это вы зря, — не удержалась я. — Память у нас, знаете ли, штука капризная. Я после родов еще и не восстановилась, как рыбка себя чувствую, то это забуду, то то.

Зинаида Павловна фыркнула.

— Ты мне еще лекцию прочитай, Маргарита Степановна. Или помощь психолога предложила. Я тут, между прочим, виновата, почти полшколы не взорвала.

— Почти, — кивнула я. — Это ключевое слово.

В этот момент в дверях показалась голова Мухамбета.

Он осторожно заглянул внутрь, будто боялся, что тут еще что-то рванет.

Но удача на его стороне, не видать ему еще раз чудо дивное такое.

— Ну что, химики, — протянул он. — Лопату мне обратно доставать или еще покажете, еще чего?

— Лопатой, Муха, лопатой, — махнула рукой Зинаида Павловна. — А то еще без бровей останешься.

— Да я уж понял, — улыбнулся он и достал из кармана шапку.

Он ушел, а я снова посмотрела на коллегу.

Женщина только тяжело вздохнула.

— Опять это прозвище дурацкое привяжется... Вот чувствую.

— Зато будет что вспомнить.

— Тебе смешно, а мне теперь жить с этим, — проворчала она, но уголки губ все равно дернулись в доброй улыбке.

Я улыбнулась тоже, погладила ее по плечу, попрощалась и вышла в коридор.

Народ уже более-менее разбрелся по кабинетам, шум улегся, школа снова приняла свой обычный вид, будто ничего и не было. Только запах еще где-то витал, да перешептывания тянулись вслед, как хвост.

На уроке ребята, конечно, уже были в курсе.

Кто-то хихикал, кто-то переглядывался, кто-то шепотом пересказывал подробности, добавляя от себя такое, что хоть стой, хоть падай. Я сделала вид, что не замечаю.

Смысла одергивать не было, сегодня об этом будут говорить все, завтра тоже, а потом еще неделю, пока не случится что-то новенькое.

А оно у нас, если честно, долго ждать себя не заставляет. Жизнь тут не самая скучная, хоть и деревня.

Я начала урок, поговорила с ребятами по теме, даже доску исписала, и где-то к середине поняла, что меня это отвлекает. Мысли отступили, внутри стало чуть спокойнее.

Я поймала себя на этом уже под конец, когда прозвенел звонок. Значит, помогло.

Определенно.

Сейчас перемена будет длиннее, минут пятнадцать, и я сразу подумала, что точно успею поговорить с Петей.

Очень надеялась, что он уже освободился и не отмахнется снова. А то совсем наглеж.

Я оставила все вещи в кабинете, слава богу, он у меня свой, туда-сюда таскаться не нужно.

Закрала дверь на ключ, чтобы никто, не дай бог, не повторил сегодняшние подвиги и не решил мне что-нибудь взорвать по горячим следам.

И снова направила вниз по лестнице, в сторону Петинго кабинета, чувствуя, как внутри поднимается странна тревога.

Вроде ничего страшного, а сердце все равно стучит быстрее, будто я иду не с мужем поговорить, а Бог весть что.

Подошла к двери, постучала и по привычке дернула ручку, уже готовая к тому, что снова будет закрыто.

Но в этот раз она поддалась. Открыто.

Вот и славно.

Я заглянула внутрь. В кабинете все было как всегда: стол завален бумагами, шкаф закрыт, на подоконнике аккуратно стоят красные папки. Ничего не изменилось.

— Петр Васильевич, можно?

Он поднял на меня глаза. Кивнул.

Я шагнула внутрь и прикрыла за собой дверь. Ладони почему-то вспотели, пальцы сжались в кулаки сами собой.

— Проходи, Рит, садись. Что там у тебя случилось?

Глава 5

Рита

— Да, — начала я и села рядом на стул.

Сначала посмотрела на стол, потом все-таки подняла глаза на него. Петя был слишком уж серьезный.

Лицо каменное, брови нахмурены, будто совсем со мной говорить не хочет. Иль случилось чего?

— Я хотела уточнить... а вот учительница новая, англичанка. Она тут фотографии выкладывает...

Я резко зачем-то осеклась и замолчала.

Хотела продолжить, но язык будто прилип к небу. Неудобно наверное, как-то про такие вещи то говорить.

Ну ведь правда ничего такого, а с другой стороны, почему я молчать должна?

Он не торопил, не перебивал, просто смотрел мне в глаза.

Ладно, была не была...

— Какие еще фотографии? — спросил Петя наконец.

Я достала телефон.

Пальцы дрожали, и я злилась на себя за это. Ну что ты, Рита, в самом деле-то, переживаешь как на ЕГЭ.

Берем себя в ручки, действуем.

Я пролистала экран, зашла на ее страницу, нашла нужное фото, задержала дыхание и показала ему.

— Вот. Тут. У тебя в кабинете. — обернулась и указала рукой на шкаф за спиной.

Он посмотрел. Долго смотрел в экран и еще сильнее нахмурился.

— И?

Я попыталась удержать его взгляд, но не смогла и отвела глаза в сторону, на подоконник, на папки, куда угодно, лишь бы не на него.

Стоп.. И?

Осознание ответа состоящей из одной буквы алфавита, мягко сказать, пришло не сразу.

— И... — повторила я. — Я просто не понимаю, что она тут делает? Да еще и в таком виде. Петь, я...

Он будто не понял, в чем вообще проблема.

— Ну хочешь и ты сделай. Что такого-то?

Как обухом по голове, честное слово.

— Ну я-то твоя жена...

Я снова посмотрела на него, и в этот момент Петя замотал головой.

— Рит, на работе у нас субординация. Не забывай об этом.

Вот тут мне стало совсем не по себе.

Слово он осадил меня, демонстративно.

Я снова отвела глаза. Сидела и чувствовала себя униженной в момент. Такое ощущение, словно я на пленнице целоваться к нему полезла.

Я просто узнать про фото, с ней у него субординации нет?

— Я понимаю, что мы семья и все прочее, но...

Петя встал.

Я даже вздрогнула от этого движения.

Подожел ближе, положил руки мне на плечи, наклонился и поцеловал в лоб.

Мурашки по спине.

— Я твой директор, — снова напомнил он, словно я забывала. — Как и для всех остальных. Если ты ревнуешь, то заканчивай. Лучше занимайся тем, чтобы влиться в коллектив, наладить контакт с учениками, это для тебя приоритет, важнее, поверь мне, чем фоточки какие-то.

Он отошел, вернулся к столу, сел и взял ножик для бумаги.

Покрутил его между пальцами, не глядя на меня, будто разговор уже для него закончен. Вот это поворотец.

— А если захочешь сделать фото в моем кабинете после очередной планерки, — добавил он, — то так уж и быть, я выйду, чтобы ты могла так же сфоткаться.

Так же, мне что ее пародировать теперь?

Я сидела молча. Хотела что-то сказать, но не нашла слов. Просто не подобрала.

Чувство такое противное настигло, словно что я тут лишняя.

Будто между мной и ним сейчас не только стол стоял, а что-то еще...

Недосказанность?

Я поднялась со стула и сразу поняла, что внутри остался неприятный осадок.

Пустота. Не думала я, что вот так может быть...

Не ссора, не разговор, а будто мимо прошли, да водой окатили.

— Хорошо, Петр Васильевич, — прошептала я тихо. — Спасибо за разрешение. Можно идти?

Он только ухмыльнулся.

— Иди, Рит. Хорошего дня. Не накручивай себя. Я понимаю, тебе сейчас непросто, ты снова, считай, на новом месте почти. За три года тут многое поменялось. Освоишься и все наладится.

Наладится...

Как будто у меня что-то сломалось и его нужно просто переждать.

— Спасибо за заботу, дорогой директор. Я в порядке, — кивнула я, присела в реверансе и и направилась на выход.

Вышла, прикрыла за собой дверь.

Коридор тут так и жил своей жизнью, кто-то сидел на лавочках шушукался, кто-то смеялся громче положеного, кто-то бежал, хлопая дверями.

А я шла и будто не включалась во все это. Смотрела по сторонам, но не вникала.

Шла медленно, считая шаги. Мимо стендов, мимо кабинетов, мимо детей, в сторону лестницы.

Кто-то со мной здоровался, я кивала, отвечала.

А в голове крутились обрывки фраз... субординация, директор, не накручивай.

Накручивай, я ж ему не плойка для волос...

Почему-то казалось, что меня аккуратно отодвинули в сторону.

Так, невзначай, просто дали понять, где мое место.

С другой стороны, я тут же ловила себя на мысли, что, может, правда все из-за первого дня?

Стресс?

Переживаю еще как Дениска в садике, освоился вроде, бабушка заберет конечно, но...

Слишком много всего сразу.

Я дошла до своего кабинета, открыла дверь и зашла внутрь.

Парты. Доска. Стол.

Вроде бы все на местах.

А я вот не на месте.

Посмотрела на часы, скоро урок.

Ну что ж, Рита, день еще не закончился. И почему-то было ощущение, что он меня еще удивит.

Мало мне этих колготок, фотографий и взрыва мало. Это еще не все.
Главное, соблюдать субординацию.
Дорогие читатели!

Поздравляю вас со Старым Новым годом!
Сегодня в честь этого у меня действуют две скидки.
"Муж на час. Тарис Новогодний" <https://litnet.com/shrt/iyPs>
"После измены. Сохрани наш брак" <https://litnet.com/shrt/WHim>

Глава 6

Рита

Следующие пару уроков пролетели как-то мимо меня.

Я вроде бы говорила, спрашивала, слушала ответы, смотрела в тетради, пока эти оболвантцы все не изрисовали окончательно в свои «косички»... но мыслями все время куда-то уходила.

То в себя, то в учеников, то пятое-десятое на уме. Честно слово, как-то подустала. Прямо навалилось разом все. Ну оно понятное дело, с непривычки.

К началу пятого урока я уже чувствовала, что надо хоть что-то съесть, иначе просто развалюсь. Голова кружится, с утра бегом бегом собиралась. Пете все отгладить, себе, сыну. Свекровь в это время спит еще, редко когда помогает, так что вся утренняя рутина на мне.

Пошла в столовую. Подошла, поздоровалась с поварами, стырила компотику.

Сегодня макароны с сосиской. Ну и ладно. Еще салат «Витаминный» тоже прихвачу. Хотя какая-то польза.

Я взяла поднос, села за парту у стены. Тихо. У меня сейчас перерыв, значит, можно поесть не торопясь. Просто посидеть. Не бежать на уро. Не говорить снова, а минуточку помолчать.

Из сумки я достала шоколадку. Почему-то в последнее время часто тянет на сладкое.

Сижу, ковыряюсь вилкой, смотрю перед собой. Аппетита толком нет. Макароны остывают, сосиска лежит целая, будто и не для меня. Тузику местному скормливать жалко. Надо доесть, раз уж взяла.

А я... я...

Смотрю на стену и словно в пустоту.

Пытаюсь сфокусироваться.

К ближайшим мероприятиям урасили все и в школу притащили все ту же колонку. Большая, старая, из которой музыка уже сбоят.

Особенно когда на дискотеках молодежь, как наши их называют, просят «побольше басов». Даем детишкам побаловаться, а потом сами морщимся. «Бам-Бам-Бам-Бам-БАМ - Тыц»

Я невольно улыбнулась. Вспомнилась эта праздничная суета: беготня, шарики, музыка, крики, смех. Как будто жизнь тогда проще.

А может и проще, беззаботнее уж точно.

Откусила сосиску. Жую без желания.

Аппетита что-то и правда ноль.

А вот конфетку хочется. Прямо сильно.

Да уж.

Откуда во мне эта тяга?

Минут через десять в столовую зашел Муха. Я сразу на него посмотрела. Он поправлял свой оранжевый жилет, шапочка у него съехала набок, и видно стало, что полысел еще сильнее. Время, что ли, так берет всех без разбора. Да...

Он взял свой обед, огляделся и сел рядом.

— Ну что, с возвращением получается, — подмигнул он, глянув на меня.

— Да, — ответила я. — Спасибо, спасибо.

Немного улыбнулась, как получилось.

— Как вы тут вообще? Ну кроме взрыва.

— Да нормально, — кивнул наш дворник, отпивая компот.

И тут у него зазвонил телефон.

Экран загорелся, он посмотрел, сразу смягчился лицом.

— Жена звонит, — предупредил видимо меня и включил.

Начал говорить на своем языке. Улыбался. Прямо с задором так. Такой весь сразу стал другой. Домашний. Я сидела и смотрела на него и думала, что молодец он. Созваниваются. Детям деньги отправляют. Семья. Откуда он там... из Узбекистана вроде бы. Далеко, а держатся.

Семья.

Я доела кое-как, отнесла поднос в мойку.

Пойду, думаю, в учительскую. До следующего урока у меня никого нет. Можно было бы, конечно, проверить тетради с домашкой, но этим дома займусь. Сейчас голова гудит. Кофейку бы... Еще бахнуть, что ли.

Нашупала в сумке пакетик. Взяла. Молодец я, получается.

Поднялась по лестнице, зашла в учительскую. А тут Марья Ивановна и Зинаида Петровна.

Сидят, чай у них, конфеты. Неугомонные сладкоежки.

Я руками развела.

— Ну ё-моё... вот так встреча, — вырвалось у меня, — а еще не вечер.

Они улыбнулись, переглянулись.

— Идем к нам, Рит, — позвала Марья Ивановна. — Садись давай.

Я кивнула и прошла к чайнику, поставила его, нажала кнопку. Обернулась к своим «подружкам», смотрю на них и улыбаюсь.

— Что вы тут у меня прохлаждаетесь? — бурчу якобы. — Уроков ни у кого нет, что ли?

Сама улыбаюсь, они понимают, что шучу. Не говорить же мне такое завучу...

А они переглядываются так как-то подозрительно.

Так-так-так.

Чего тут стряслось?

— Ой, Ритка, — тянет Марья Ивановна, — вообще мы тут такое узнали...

— Ну? — я ставлю кружку, открываю пакетик, насыпаю. — Давайте, не томите.

— Нет, ты понимаешь, — подхватывает Зинаида Петровна, — после этого взрыва выяснилось, что он у нас не единственный повод языками почесать. А я то уж думала все, снова я звезда морей и полей...

Я жду, пока чайник закипает. Кнопка горит красным. За окном что-то совсем пасмурно стало, небо затянуло, солнышка нет совсем. Смотрю на это окно, потом обратно на коллег. Они сидят, глаза закатывают, будто репетировали.

Думаю ведь, ну ё-моё, давайте уже.

— Ну рассказывайте, — подталкиваю сладкоежек. — Что случилось? Что за сплетни? Или это про меня?

Зинаида Петровна отмахивается, платок поправляет.

— Про тебя, Ритой, никаких сплетен. Ты что. Ты же у нас святая.

Я улыбаюсь.

— Да прям, куда уж.

И тут Марья Ивановна как давай. Я аж обалдела. Она руку себе на грудь кладет, наклоняется ближе.

Вздыхает и я удивляюсь, какова актриса и без Оскара.

— Ты представляешь, Ритунчик... у нашей англичанки этой... у миссис юбка по пизду, прости Господи... — она даже запнулась, — сын в интернете. Она его туда сдала. А сама в школе преподает!!! С другими детьми работать и родителями, а сама... падшая женщина, как могла? Неужели прокормить дитя не может... В ИНТЕРНАТ!!!

Я стою с кружкой в руках и чувствую, как у меня брови сами вверх ползут.

— У нее что... серьезно? — только и смогла вымолвить.

На этом месте чайник шелкнул.
Вот это да. Вот так номер.

Глава 7

Рита

Я наливаю себе кофе, сажусь к ним за стол.

Они обе покачивают головами, переглядываются, и Марья Ивановна продолжает, уже не останавливаясь, будто давно держала это в себе. А это не так, она то бустро стоящее растрывает.

Говорит, что звонила ей старая подружка, с которой они еще в школе вместе учились.

Та самая, с которой они полжизни на связи, знают друг про друга больше, чем надо.

И вот эта подружка, оказывается, давно в курсе про нашу англичанку.

Знала заранее, так сказать.

Потому что тоже там с ней работала, где-то раньше, еще до нас.

И когда узнала, что ту к нам отправили, давай Марье Ивановне все выкладывать.

— Интересно, — говорит она, — все-таки, ну как так, ты учительница! Да еще и сына в интернаты дет дома отдает.

Я делаю глоток кофе, чувствую, что много воды налила, и смотрю на Зинаиду Петровну.

Та качает головой, очень недовольная, путается в своем голубом платке, смотрит на свою подружку и поддакивает.

— Да уж... — вырывается у меня само собой.

И тут рассказчица продолжает, уже не стесняясь выражений.

— Так вот, — говорит, — эта мандавошка со всеми там романы крутила. Крутит, вертит, жопой своей ходит, виляет. Там, где была, только этим и занималась. Я, думаю, не удивительно, судя по тому, как она себя ведет. Как она тут с нами... даже здороваться забывает. А там вообще только на мужиков внимание обращала. Не понимаю я, она каким макарон ту вообще в нашу школу затесалась.

Я слушаю и чувствую, как у меня внутри все медленно переворачивается от какого-то странного недоумения.

— Нам нужен был учитель английского, — вставляет Марья Ивановна, — благородная профессия, а не проститутка, бросившая своего ребенка.

У меня только смешанные чувства внутри и полное непонимание.

Мариванна берет из коробки шоколадную конфету, разворачивает ее и держа в руках, продолжает.

— Ну ты представляешь, Рит. Ты своего сына отдала, а сама вот так... романы крутить, вертеть. Пошлая. У меня даже слов нет. Как можно вообще оставить своего ребенка? Да еще и так себя вести.

У меня в голове это все крутится, накладывается одно на другое. Фото. Кабинет. Эти разговоры. И мысль одна... как вообще можно так жить.

Видимо, очень просто.

Я делаю еще глоток кофе и понимаю, что он уже остыл.

Я тяжело выдыхаю, смотрю в кружку и ловлю себя на том, что больше всего меня цепляет даже не эта женщина, а то, как легко и быстро все это превращается в общее негодование.

Я сижу, слушаю и удивляюсь. Не ей. Себе. Тому, как быстро день повернул совсем в другую сторону.

Коллеги продолжают рассказывать, одна история цепляется за другую. Они осуждают, качают головами, вспоминают какие-то детали, которые я сегодня еще и не слышала.

Я уже сижу, слушаю и понимаю, что это надолго, такие разговоры сами собой не заканчиваются.

И тут к нам в учительскую заходит физрук. Как всегда, он поправляет олимпийку, будто она ему мешает, идет прямо к зеркалу.

Потом оборачивается к нам, улыбается, тянет руку к столу, берет конфету.

— Подсластить жизнь ударника труда, не желаете? — смеется он. — а он желает!

Сергей Анатольевич кивает в знак благодарности, достает из шкафа свою расческу. Маленькую такую, смешную.

Примерно раз в несколько уроков он сюда заходит, чтобы усы зачесывать.

Я до сих пор не понимаю, зачем он это делает именно здесь, но со стороны выглядит это каждый раз одинаково забавно.

Смотрю на него, и у меня как-то даже улыбнуться захотелось.

В голове мелькает мысль, что вообще-то надо бы тетради проверять, правда, идти. А с другой стороны меня так и тянет еще посидеть, послушать. Вдруг еще что-нибудь интересное всплывет.

— Вот ты скажи, — обращается вдруг Зинаида Петровна к физруку, — нравится тебе англичанка наша?

Он как раз конфету в рот засунул, пожимает плечами.

— Да нет, что вы... — и тут замолкает.

Я удивленно на него смотрю.

Ну так улыбнулся, будто и правда ему она нравится. И завуч это тоже замечает, сразу прищурилась.

— А ты чего, старый, тоже заглядываешься под юбчонку, а?

Он смеется.

— Да мне-то куда, вы что городите.

— Ой-ой, павлин лысый, давай, не прибедняйся, — отмахивается она.

Я слышу еще фразы, перебранки, подколы, понимаю, что это все теперь точно надолго.

Те самые перепалки, которые были и три года назад, в той же самой юмористической форме. Ничего не меняется.

Стабильность.

Я допиваю кофе, беру стакан, собираю свои вещи.

— Ладно, дорогие коллеги, — перебиваю я их, — мне пора.

Зинаида Петровна тут же машет рукой.

— Да посиди ты еще, Рит, куда тебе торопиться, все успеешь.

— Да мало ли, — отвечаю я, — пойду подготовлюсь к следующему уроку.

— Ой, Рит, ты у нас такая ответственная, — уже нахваливает Зинаида Петровна. — Вот все бы такие были, как ты, честное слово, мир бы лучше был.

Я киваю, улыбаюсь, говорю «давайте» и выхожу.

Я спускалась по лестнице, держась за перила, и думала, что надо бы зайти в моечную, стакан помыть, да и вообще привести себя в порядок перед следующим уроком. Волосы, может, поправить, лицо умыть, хоть чуть-чуть прийти в себя.

День длинный, а я уже чувствую, что устала.

Иду, смотрю по сторонам. Тут опять старшеклассники с урока свистнули, сидят с портфелями, за углом затаились, улыбаются, шкоды.

Я тоже улыбнулась. Ничего им говорить не стала. Сегодня не хочется быть злой Маргаритой Степановной. Пусть проживают последние годики беззаботной относительно жизни.

Повернула за угол и пошла дальше, уже почти к моечной, как вдруг взгляд зацепился.

Стоит она. Англичанка.

В белой шубе.

Слишком белой для нашей школы, слишком заметной. Даже в эту погоду.

А рядом с ней... Петя.

Он открывает дверь с улицы в коридор, держит ее для нее.

Опа.

Я остановилась.

На секунду.

И больше ничего не успела подумать, как они прошли в проем и оказались прямо передо мной.

Глава 8

Рита

Я в шоке. Хотя вроде бы ничего не произошло, но меня все равно накрыло. Стою и смотрю на них, как вкопанная. Англичанка проходит мимо меня, останавливается буквально на секунду, осматривает с ног до головы, улыбается как-то криво и идет дальше, стуча каблуками по плитке.

Этот звук еще долго отдается в ушах.

После этих новостей о ней вообще противно видеть такое лицо... мать, бросившая ребенка, фу.

Петя остается в дверном проеме, потом делает шаг ко мне.

— Что-то замоталась уже, устала? — спрашивает он как ни в чем не бывало.

Подходит ближе, обнимает меня за плечи. Я чувствую его руку, тепло, знакомое до мелочей, и от этого внутри становится еще страннее.

— А ты тоже, что ли, ходишь бродишь? — произношу я и смотрю ему в глаза.

Он не подает виду, что что-то не так, будто он просто вышел открыть дверь и все. Ни больше, ни меньше.

Ладно. Может, я и правда накручиваю себя.

Он поднимает руку, убирает мне волосы за ухо, поправляет мой кардиган.

— Давай сейчас последний урок и пойдем домой. Мама сказала, что приготовила, по мелочи по дому пошуршала, так что нормально. Тебе полегче будет.

Он все еще держит меня за плечи, так нежно, смотрит в глаза, и я уже не вижу того злого, каким он был с утра, когда напоминал мне про субординацию.

Словно и не было того разговора.

Странно, чего это он так раздобрел?

— Спасибо, — шепчу я, хотя особо этому не рада.

Свекровь потом обязательно мне это припомнит. Я уже слышу ее голос... мурашки по коже.

Слышу как она гундит, что я все не успеваю, а она в свое время и то, и пятое, и десятое, и сына в школу, и работала, и по дому все делала, и за мужем ухаживала.

Я тяжело выдыхаю и стараюсь взять себя в руки.

Держись, Риток, не у тебя одной свекровь не сахар.

— А ты что тут делаешь? — я все не унимаюсь.

— Да хотел посмотреть... — говорит он и кивает в сторону выхода. — Там Муха говорит, сильно копает с крыши. Думаю, может, устроить на днях какой-то субботник, все почистить? Мало ли, кому-нибудь на голову свалится. Не думаю, что он один справится, тяжелоатлету ему. Может, одиннадцатиклассников попросить подсобить. А то реально опасно сейчас, нет-нет да сосульки нарастут.

Он показывает на другую сторону выхода.

— Смотри.

Я смотрю и правда вижу, как капает.

— Поняла, — отвечаю я.

И внутри у меня странное чувство. Вроде бы все объяснил, вроде бы все нормально и ничего подохрительного, а осадок все равно остался. Не оделся даже? Закаляется так?

Ладно, уgomонилась пока.

Он провожает меня до кабинета, идет рядом.

Мы еще немного обсуждаем бытовые дела по мелочи, что купить, что не забыть по пути домой.

— Мама попросила рулет с вишней. ”

— Ок.

Потом Петя останавливается у двери.

Говорит, что зайдет позже, что я могу идти забирать сына из садика и уже ждать его дома.

Я киваю, хоть и не особо довольна, что он тут еще задержится, а мне надо будет бежать в магазин за сыном и домой.

Однако Петя еще что-то рассказывает, что якобы через две недели приедет проверка, надо бы все подготовить, журналы, планы, документы.

Количество отличников посмотреть, успеваемость.

Пожимает плечами между делом и хмурится, опираясь плечом на дверной косяк.

— Не дай бог, успеваемость упала, — улыбается он наигранно, — это будет просто феерия.

— Все будет нормально.

Он кивает, разворачивается и испаряется из виду.

А я сижу в кабинете и думаю.

Думаю, думаю, смотрю и ничего не делаю.

Ногой болтаю только, качаясь на компьютерном кресле.

Хм... что это англичанка тоже, получается, на сосульку нарвалась? Точнее, уже?

Вот ведь как. Даже смешно.

Я усмехаюсь этой фразе у себя в голове.

Да уж.

Я складываю тетради в стопку.

— Ну и кипа.

Ладно, Рита. За дело.

Я готовлюсь к последнему уроку. Последнему на сегодня.

И выдыхаю медленно в тишину.

Осматриваю парты. Все знакомое, но непривычное одновременно. Три года перерыва, как оказалось, это все-таки много.

Снова входить в ритм тяжело, но я рада.

Рада, что вернулась. Рада, что снова здесь. Там, где меня знают. Где мне рады. Ну... почти все. За исключением одной интересной личности.

Беру в руки карандаш, стучу им по парте.

Нервно как-то, совсем не по себе.

Смотрю на часы. Скоро прозвенит звонок.

Я выйду в коридор, посмотрю, как эти хулиганы опять носятся от стенки к стенке, сделаю вид, что сержусь.

Потом вернусь, расскажу пятому классу что-нибудь про Римскую империю.

Потом соберу тетради весом с тонну в пакет и пойду за сыном.

Рулет бы не забыть... Свекровь с потрохами съест.

День был тяжелый. Ноги гудят, плечи тянут, голова просто камень.

Хочется просто тишины и чтобы с Петей все хорошо было.

— Дзынь... — заудело.

Ну что? Пора.

Глава 9

Рита

Я сделала все необходимое, дошла до дома, забрала сына из садика, и мы вместе поднимались по ступенькам.

Он шагал рядом, цеплялся за мою руку, что-то болтал без остановки, а я слушала вполуха, просто радуясь, что мы наконец-то идем домой.

Этот день в школьной суете окончен.

Мы прошли в дом.

Мама, конечно, приготовила все, чтобы нас встретить.

На плите кастрюля, на столе тарелки, хлеб уже нарезан.

Только лицо у нее было недовольное, сразу заметно.

Ох...

— Ну что ты опаздываешь-то, Рита? — начала она своим возмутительным тоном и тут же поправила резинку на голове, в которой пучок свой капны держит.

Я только вздохнула про себя.

Объяснять что-то не стала. Куда я опаздывала? Домой?

Сын рванул к бабушке, обнял ее со всей своей силой, прижался.

Она чуть отстранилась, без резкости, но и без особой ласки.

— Так, давайте сначала мыть руки, потом поесть, потом уже все эти нежности.

Я к этому привыкла. Она всегда такая. Жесткая. Без лишних сантиментов. А вот внук все никак не привыкнет.

Я раньше думала, что с ним она будет другой, мягче, что появится какая-то особая нежность. Но нет. Она и с ним остается собой.

Кремень.

Мы прошли в ванную. Сынок уже стоял на табуретке, готовился тереть ручки и все болтал:

— Мам, а мы сегодня гуляли, а потом я ел, мама то, мама се.

Он говорил все сразу, путался, брызгал водой, непоседа маленькая.

Опять намочил... пронеслось в голове.

А я улыбнулась.

Мой потешный.

Мы ужинаем. Сын ковыряется в тарелке, рассказывает что-то свое, машет вилкой, мама его одергивает, а я почти не ем. Потом наливаю себе чай с ромашкой, ставлю кружку на край стола.

И тут слышу:

— Вот скажи мне, Рит, — начинает свекровь, не глядя, — ты бы не носила такую одежду. Я думала, она у тебя домашняя, а не для работы. Тебя ведь за спиной осудят. Скажут, что свитер уже застиран, да и сумка вон, потертая. Может, сходишь новое купишь? Хватит позориться.

У меня аж ком в горле.

Я стою, держу кружку, дую на чай и молчу. Слушаю дальше.

— У тебя муж уважаемый человек, — продолжает она. — А ты как поберушка. Сын у тебя только один. Я в твоё время...

И дальше... та же самая шарманка. Слова знакомые до боли. Про «в мое время», про «я все успевала», про «женщина должна выглядеть». Каждое слово будто по одному месту бьет.

Мне так больно. И так плохо от этого.

Какая я еще поберушка?..

Ой...

Я стараюсь не обращать на это внимание. Не хочу ругаться, тем более что она помогает с сыном. Хотя сегодня сына и забрала я сама, все равно эта помощь за день была крайне ощутима. Я это понимаю. Я это ценю. Поэтому молчу.

Я все жду Петю, но его нет. Смотрю на телефон, уже хочу ему звонить, но останавливаюсь. Не сейчас. Потом. Не хочу жаловаться. Не хочу выглядеть слабой. Да и что я скажу? Что мне снова больно от слов?

Я подхожу к зеркалу. Оглядываю себя с ног до головы.

Обычные колготки.

Юбка до колена.

Свитер.

Почему я выгляжу как...?

Я смотрю на себя и не понимаю. Мне что, быть как англичанка, где все видно по трусы?

Это она от меня хочет? Или она просто не может иначе говорить, кроме как давить?

Свекровушка не унимается, все продолжает. Намекает, что Пете очень нравятся ухоженные девушки. Что он всегда на них внимание обращал. Особенно когда учился. Говорит это будто между делом, будто просто факт, а не нож под ребра.

Мда, ясно, спасибо.

Следом бросает, что до сих пор удивлена, что он меня выбрал.

Вот это поворот.

— Ты, конечно, хорошая, — говорит она, — но правда, тебе бы за внешним видом проследить.

Я слушаю все это и смотрю в зеркало. Не на нее. На себя. Словно пытаюсь понять, где именно я не такая?

Где я свернула не туда?

И вообще ума не приложу...

Когда скромность стала чем-то плохим?

Когда скромность стала признаком того, что я выгляжу как бомжиха?

Горячие слезы текут по щеке. Я не вытираю. Пусть. Все равно никто не смотрит.

Всем в этом доме плевать.

В голове крутится один вопрос. Один-единственный.

Когда?

Дорогие читатели!

Я вернулась из отпуска. Проды будут теперь выходить чаще!

Кроме этого, сегодня у меня вышла эмоциональная новинка. "Неверный Офицер. За гранью чести"

Жду вас очень-очень, ваша Алена!

ССЫЛКА НА НОВИНКУ: <https://litnet.com/shrt/1hjJ>

— Наша соседка твоя любовница? — все-таки спрашиваю я мужа, не в силах более скрывать подозрения.

— Что ты несешь? Белены объелась? — он продолжает перекладывать бумаги на столе, даже не подняв на меня головы.

— Ром, ты называешь себя человеком чести, но я не слепая. Признайся ты уже, спишь с ней?

— Даже если так, дальше что?

Мы женаты 15 лет. У нас маленький сын и кризис в семье.

Пару недель назад мы переехали в новый дом, в надежде обрести в нем счастье.

Продали мою машину, квартиру покойного отца, вложили все накопления до копейки, все ради этого дома, на котором Рома так настаивал.

А что в итоге?

Причиной для переезда оказался не семейный комфорт, а его страсть к ней.

К молоденькой девушке, которая уже ждет от него ребенка.

И это уже за гранью...

Глава 10

Рита

Я уже уложила сына, посидела рядом, пока он уснул, поправила одеяло, поцеловала в макушку. Потом сходила в душ и села проверять тетради.

Сажу за столом, голова мокрая, дома прохладно. Надо бы пойти подсушиться, но это попозже. Еще стопка.

И ой-ой.

Не маленькая.

Открываю одну тетрадь задругой. Конспекты, ну е-мае, как всегда. Кто писал, кто списывал, кто вообще не понял, о чем речь. Буквы пляшут, строки кривые, мысли скачут сикись-накись, по-другому не скажешь. Я отмечаю, подчеркиваю, ставлю галочки. Иногда ловлю себя на том, что просто смотрю в одну точку и не сразу понимаю, чью тетрадь держу.

Усталость наваливается. Глаза слипаются. Рука сама замирает с ручкой. Я откладываю одну тетрадь, беру следующую и думаю, что еще чуть-чуть. Еще пару штук. Потом перерыв.

Свихнусь, не иначе.

Пети все нет. Я поглядываю на телефон. Молчит. Потом приходит сообщение.

Ну да, что и требовалось ожидать.

Он пишет, что к нему зашел друг, сидят.

И фотку присылайте, мол на столе бутылка коньяка и две рюмахи.

Я смотрю на экран и ничего не отвечаю сразу. Думаю. Потом думаю еще раз.

Ничего мне не остается, кроме как сказать, что «Поняла».

Разозлил меня не по детски. Задолбал. Сколько можно?

Я говорю себе, бурчу под нос:

— Ладно. Сидите.

Надеюсь, придет скоро, да и не сильно пьян. Завтра всем вставать не свет не заря. Сына в сад, нам в школу.

Я снова беру тетрадь, но мысли уже не там. Первый рабочий день. Такой длинный, мамочки, такой тяжелый.

И Петя мог бы прийти, мог бы просто быть дома. Я ведь хотела поделиться с ним мыслями, впечатлениями, поболтать по душам.

Поболтала.

Я понимаю, что он устал. Что у него своя ответственность, свои дела. Понимаю.

Но обида все равно есть, за весь день и эту проклятую субординацию. Она сидит где-то внутри и не уходит.

А я ее буду палками гнать, чтобы мы в очередной раз не поругались.

Я ставлю последнюю пометку, закрываю тетрадь. Смотрю на стопку, выдыхаю тяжело, еще много.

Ладно. Завтра.

Сегодня я правда устала.

Ночью ворочаюсь в кровати.

Сон поверхностный, рваный, будто и не сплю толком.

В какой-то момент слышу, как он заходит. Осторожно шагает по комнате, видимо думает, что я уже сплю.

Я через ресницы вижу, как он в темноте снимает рубашку и вешает ее на спинку стула.

После он ложится рядом.

И тут я чувствую запах.

Не его.

Какие-то приторные духи. Лаванда.

Сладко, навязчиво. Совсем не то, что он обычно носит. Я лежу и думаю уже, кто из тетешек навонял? Или жена друга? Или вообще... не знаю.

Он устраивается удобнее, вздыхает. Я кладу ладонь ему на спину, так зочу почувствовать его рядом.

Просто так. Как делала всегда. Уже почти в полудреме, усталость берет свое, день был длинный.

А когда он рядом я чувствую себя в безопасности и хочу отдыхать еще сильнее.

— Рит, я спать хочу, — бурчит он, заставляя проснуться. — Не трогай, пожалуйста.

Я убираю руку. Отворачиваюсь к стене. Обида тут же накрывает и сон как рукой.

Мало того, что ты приперся бог знает во сколько так...

Что? Еще пытаюсь осознать я.

Он серьезно?

Глава 11

Рита

Утро начинается молча. Мы встаем почти одновременно.

Я собираюсь без спешки, он что-то бурчит себе под нос.

Про время, про кружку, про то, что опять опаздывает.

Я делаю вид, что не слышу.

Думаю, что ладно, бог с ним. Мне бы на работу как никак собираемся.

Я иду в ванную, он к шкафу. Слышу, как он возится с рубашками, перекладывает туда сюда, что-то недовольно бормочет.

— Ты что, не накрахмалила вот эту? — возникает Петя, не оборачиваясь.

Я замираю на секунду. Смотрю на свое отражение и чувствую, как внутри поднимается волна непонимания.

— Не успела, — отвечаю я в полном замешательстве.

Он ухмыляется как-то злобно, вытаскивает другую.

— Ясно. Стоило маму попросить.

Вот тут становится обидно по-настоящему. Не из-за рубашки. Из-за этого «стоило». Как будто я обязана все успевать. Как будто у меня в сутках не те же часы...

Обидно.

Как будто я не работаю, не тяну дом, не тащу на себе ребенка, не вышла на работу.

Я молчу. Потому что если скажу, то будет лишнее. Ругаться с утра не дело.

На кухне он смеется с мамой.

Я стою в дверях и смотрю со стороны. И мне как-то не по себе. Будто я лишняя в этом доме совсем.

Будто я смотрю чужую сцену, где у всех роли давно распределены, а мне забыли сказать, куда встать.

Денис крутится рядом, цепляется за мои ноги, хнычет.

Глаза мутные, нос горячий. Я иду к нему, трогаю лоб.

Нет... не холодный. Не совсем. Но что-то не так.

Сердце у меня сжимается сразу, без раздумий. Материнское это. Срабатывает раньше головы.

— Опять ты его раздетого держишь, — бухтит свекровь. — Следить надо лучше. В садике сейчас все болеют, а ты...

Я молчу. Смотрю на сына, глажу по голове. Он прижимается ко мне, в груди щимит.

Какая же я злая.

Как вы меня все достали.

Я что, виновата, что в садике одни вирусы? Что дети там дышат друг на друга? Что я не могу держать его под стеклянным колпаком? Думаю это про себя и молчу. Потому что если начну говорить, то не остановлюсь.

Учат учат и требуют, а я когда требовать начну, а?

Он снова смеется на кухне. Громко. Как будто ничего не происходит. Как будто ночь была нормальной. Как будто мне не пришлось ворочаться и гнать ссаной тряпкой свои плохие мысли.

Но это все ерунда, ему все равно, что ребенок заболел?

Я одеваю Дениса, проверяю горло, лоб, слушаю его дыхание.

Я готова отменить уроки, остаться дома, лишь бы ему было легче. Работа подождет. Бумаги подождут. Все подождет.

Но я знаю, что сейчас начнется...

Я беру сумку, проверяю тетради. Мысли путаются. Усталость давит. После бессонной ночи мир кажется еще бесячее, чем обычно.

В итоге Денис остается с бабушкой. Я наклоняюсь к нему, еще раз трогаю лоб, целую в щеку. Он смотрит на меня сонно, цепляется пальцами за мой рукав.

— Мам, ты скоро?

— Поработаю сынок и сразу приду, — произношу и выдавливаю улыбку.

Свекровь кивает, уже по-деловому, будто все решено и обсуждать нечего. Я знаю вот, что присмотрит. Знаю.

Мы выходим с Петей вместе. Молча. Я чувствую, как голова тяжелая, кружится.

Машину он оставил на парковке возле спортзала. Я сразу понимаю почему.

— И правильно. Мало ли.

Он кивает.

— Да. Выпил. Не стал садиться.

Хоть деревня, но все равно, мало ли.

Идем рядом. Дорога знакомая, каждый забор. Утро серое, люди уже расходятся по делам, кто-то здороваются, кто-то проходит мимо.

Мы идем и будто не вместе, а просто в одну сторону.

Я думаю о суне. О том, как он сейчас, не знобит ли, не плачет ли. Думаю о тетрадях, о первом уроке, о том, как бы дотянуть до вечера. Думаю о том, что так и не сказала утром, и о том, что, может, и не скажу.

Петя просто шагает по правую сторону. Весь такой серьезный в своих мыслях.

На первом этаже мы расходимся.

Петя сворачивает к своему кабинету, я в другую сторону.

Учительская встречает меня непривычной паузой.

Такой, что сразу чувствуется, что замолчали при виде меня.

Сегодня здесь только Марья Ивановна из близких людей. Она сидит у стола, держит чашку обеими руками, все конфетки свои подьедает.

Физрук тоже здесь. Сидит молча, не улыбается, не тянется к зеркалу, даже усы не поправляет.

Просто сидит.

Это странно.

Зинаида Петровна залетает на минуту меня позже, в шубе, с меховой шапкой набекрень, на ходу что-то бурчит, но и она сегодня какая-то не такая. Вроде в это время уже чаевничают, это мы еще с Петей поздно.

Остальные молчат.

Все.

Кто-то смотрит на меня с жалостью. Я это чувствую сразу.

Кто-то быстро отводит глаза. Кто-то делает вид, что занят бумагами. И от этого совсем становится не по себе.

Я иду к чайнику, кнопку клацаю. Дома даже не успела ничего попить бодрящего.

Марья Ивановна поднимает на меня взгляд.

— Утро доброе, Рит, — улыбается едва заметно.

Господи, тут горе чтоли случилось у кого или что все такие хмурые?

— Доброе, — отвечаю я.

Мы перекидываемся парой слов, ни о чем. Про погоду, про проверку, про то, что сегодня как-то серо.

Она выглядит опечаленной, будто ей жаль меня, но она не знает, что сказать. Чайник шумит. Я смотрю на него и вдруг ловлю себя на первой мысли, которая приходит в голову.

Что-то не так.

Глава 12

Рита

Я стараюсь не обращать внимания, пока англичанка не заходит.

Уже пальто, не вчерашняя шуба. ВАУ.

Надо же, сколько у этой женщины одежды? Откуда столько, при наших-то не самых больших зарплатах.

То, что я удивлена, это мягко сказано.

И ведь дело не в зависти. Я это точно знаю.

Мне не хочется ни ее пальто, ни ее уверенности, ни ее походки.

Мне просто обидно. Обидно до какого-то внутреннего кома, который встал и не проходит.

Почему ей так все равно на то, что про нее говорят? Она буквально кричит о своем безразличии.

Почему она идет, улыбается, как ни в чем не бывало, будто ничего такого не произошло, и сына в интернат не сдала и юбку не надевала по пирожок.

Я ловлю себя на том, что считаю не вещи, а уколы внутри.

Англичанка даже здоровается, вся такая в хорошем настроении, проходит к шкафу, вешает, потом оборачивается на меня и я вижу на ее шее огромный засос.

Матерь Божья...

Я ошалела, е-мае... неужели правда?

Я моргнула. Еще раз посмотрела. Не исчез.

Она застегивает ворот у рубашки, замечая мой взгляд, и прикрывает волосами.

Вот в этот момент мне стало по-настоящему не по себе.

Не от самого синяка, а от того, как быстро она его прячет.

Она ведь реально...

Будто знает, что увидели и обсуждать будут.

Такое ощущение, что кроме меня это никто не замечает. У меня уже паранойя, может быть?

Еще моргнула.

Нет, мне не показалось.

Она уходит, стуча каблуками. Марья Ивановна и Зинаида Петровна странно переглядываются.

И вот тут меня накрывает окончательно. Значит, не только я. Значит, видели. Все... но почему-то молчат.

И я молчу.

Раз никто не хочет со мной разговаривать, так тому и быть.

Внутри появляется какое-то упрямство. Злость обида и вообще чувство несправедливости.

Беру сумку, пакет с тетрадями, в другую руку кружку и выхожу. Иду в свой кабинет, учеников пока почти нет, коридоры пусты.

Пустота вокруг только усиливает шум в голове. Каждый шаг отдаётся внутри вопросом, на который я боюсь отвечать.

Засос... у учителя.

У меня был всего раз в жизни, и то лет пять назад, когда Петя нечаянно укусил. Я стыдилась ужасно, замазывала тремя тоналками, ворот поднимала хотя дома была, лишь бы никто не заметил. А тут? Слов нет.

Я тогда думала... как глупо, как неловко. А сейчас думаю, а может, я просто слишком всегда старалась быть правильной?

Трудный вопрос, если честно.

Прошла в кабинет. Села, надо отвлечься, но все мысли...

Они возвращаются, не дают сосредоточиться на важном деле.

Я открываю тетрадь и тут же закрываю. Руки не слушаются.

Составляю картину. Ну не могла же она с Петей?... Нет, бред, нет.

Я почти вслух одергиваю себя. Слишком далеко зашла. Слишком.

Рита, не думай о таком. Это уже чересчур. Просто ты устала, и все навалилось.

Еле как себя пересиливаю.

Первый урок пролетает со скоростью света, но я успеваю все проверить и подготовиться к ближайшим двум.

Руки сами листают тетради, глаза бегут по строчкам, а в голове будто кто-то положил тяжелый камень.

Все время думаю о сыне. Как он там? Не сильный ли жар?

Не поднялась ли температура, пока я тут изображаю учительницу, у которой все свято присвято и настроение ничего так?

Переписываюсь со свекровью.

— Все нормально, работай, занимайся, я сама знаю, как с детьми управляться.

Ясно. Она только и может агрессивировать на меня. Всегда знает лучше. Всегда уверена, что я что-то делаю не так.

Тяжело.

Во мне поднимается раздражение, почти злость, но звонок и снова приходится натягивать лживую улыбку.

Стою у доски, объясняю тему, киваю, задаю вопросы, а внутри будто кто-то шепчет, мол держись, Рита, держись, еще чуть-чуть.

Урок за уроком.

Голова тяжелая, плохой сон уже сказывается на самочувствии.

Еще и проголодалась.

Достаю из закрытого ящика свой стакан, который оставила тут с утра и иду в сторону учительской.

После победа у нас планерка, а пока надо бы чайку дерябнуть, хоть что-то теплое в себя залить, желудок прогреть.

Иду дальше и зачем-то у самой двери останавливаюсь. Дверь тут чуть сломана, пружина железная, которая дверь закрывает, заедает постоянно.

Слышу через щелку.

— Да стыдно говорить, а вдруг не правда...

Я замираю.

Что-то заставляет остановиться, не двигаться и не даже не дышать.

— Да правда, ты видела ее шею? Позор, блять, Марья Ивановна. Позор. Точно она была. Даже если не она, мы точно знаем, что это Петр Васильевич.

Слышу имя мужа и оцепенела в момент.

Я тут уж наострила уши, оглядываюсь по коридору, благо урок, и никого нет.

Стою, не дышу, кружку держу так крепко, будто она сейчас ноги вырастет и убежит.

— Зин, ну как мы ей скажем? Муж твой гуляка и чпехает эту вертихвостку? Ты представляешь, как у нее сердечко разобьется? Она ведь только из декрета. Маленький ребенок, а муж кобель последний?

Меня будто кт-то придавил бетонной плитой.

— Иванна, должна Ритка знать. Должна я считаю, желей не желей, крайними уж точно не останемся, это вон этот...

И тут слышу дополнительный голос.

Физрук.

— Ну не ошибся я, не слепой. Может, глуховат, но не слеп. Она была. Пьяная вчера вывалилась с заднего выхода, шубу свою в грязи измазала, когда на льду поскользнулась на каблучках своих. Я как раз спортзал после волейбола закрывал.

Я делаю шаг назад.

Кружка чуть не падает из рук.

Это правда, что ли?

Все эти взгляды, паузы, недосказанность... лаванда гребаная... ее? Правда?

Все мои мысли, сомнения, ночное ворочанье, его раздражение, запах чужих духов, неужели это не моя фантазия?

В голове шумит и мысли путаются.

Полное оцепенение накрывает сразу, с головы до пят.

Я дергаю дверь зачем-то.

Та самая пружина тянет, скрипит мерзко протяжно. Дверь за спиной со скрипом закрывается и тоже не до конца.

Прохожу вперед, ставлю стакан на полку рядом с чайником.

Руки дрожат, вся дрожу. Мама...

Все смотрят на меня в упор.

Никто не отводит взгляд. Ни один.

Места найти не могу и мысль хоть одну адекватную.

— Мой Петя и эта Сергеевна? — уточняю я, стискивая зубы после.

Нет, скажите что по мне психушка плачет и послышалось...

Зинаида Петровна кивает первой, совсем без сомнений и без попытки смягчить мой удар.

Марья Ивановна только печально смотрит на меня в упор.

— Рит... — начинает она.

Я не слушаю.

Не могу.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Коридор тянется длинным, шаги гулкие, кабинеты по бокам уходят впрочь, назад.

Кабинет Пети.

Дергаю сраную ручку.

Дверь открыта. Надо же. В этот раз, аллилуйя, открыта.

Он сидит в телефоне.

Поднимает на меня глаза, смотрит удивленно.

— Эй, Рит. Ты чего так? Даже не постучала.

Я подхожу ближе. Очень близко.

Смотрю прямо в глаза этому предателю.

Ищу там хоть что-то... хоть что-то.

Растерянность, страх, вину?

Нееет.

Ничего.

— Вчера ты был с ней, да?

Делаю паузу.

— Вся учительская звенит о том, что ты спишь с ней.

Глава 13

Рита

— Ты что несешь вообще? С кем сплю?

Он смотрит на меня так, будто я сейчас вытащила из воздуха какую-то дикость.

Офигеть... он правда смотрит так, будто я сама это придумала, сама себе накрутила и теперь пришла устраивать спектакль.

Ошалеть.

— С англичанкой. Не делай из меня дуру, Петь!

Я стою и не знаю, куда себя деть. Внутри все клокочет. Меня трясет. Руки зудят, хочется вцепиться в него, расцарапать лицо.

Любимое лицо... до боли.

То самое, на которое я смотрю каждое утро уже десять лет. То, которое знаю до каждой складки, до каждой морщинки у глаз.

А он просто смотрит.

Пусто.

Как будто я не боль, раздирающую меня изнутри, ему принесла, а ерунду сморозила.

Меня это только еще сильнее злит. Почему он молчит? Почему он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.